

Ли Жун проспал до самого вечера. Шторы остались незадёрнутыми, и он совсем потерял счёт времени, а когда открыл глаза, часы показывали уже восемь.

В честь праздника он заказал себе порцию баоцзайфань. В канун Нового года курьеров на улицах заметно поубавилось, а стоимость доставки подскочила в несколько раз.

Отложив телефон, юноша поднялся с кровати, умылся и замер у панорамного окна, глядя на город. Машин внизу почти не было — люди разъехались по домам встречать праздник в кругу семьи. Лишь огни витрин да доносящиеся с площади хлопки петард напоминали о том, что сегодня за день.

Ли Жун потёр плечо и тихо вздохнул. Хорошо, что квартира была не слишком большой, иначе тишина казалась бы совсем уж гнетущей.

Когда еду наконец привезли, он устроился на диване с контейнером в руках. Включив телевизор, Ли Жун запустил какой-то голливудский блокбастер, вскрыл пакетик с соевым соусом и, добавив совсем немного в рис, отправил в рот первую ложку.

Честно говоря, этот баоцзайфань не шёл ни в какое сравнение с тем, что готовил повар на вилле Цэнь Сяо. Жаль, что в своё время он не ценил это мастерство по достоинству. Интересно, где теперь работает тот кулинар?

На экране главный герой столкнулся с первыми трудностями. Юноша опустил взгляд и следующие пять минут сосредоточенно ел, а когда на экране наметился временный просвет, он снова поднял голову, рассеянно наблюдая за приторной любовной линией.

Он решил посмотреть этот фильм только потому, что тот был на слуху. Ли Жун давно не жаловал «кино для попкорна» из-за его излишнего идеализма.

С момента гибели родителей прошло уже полтора года. Юноша мог с чистой совестью сказать: он выложился на полную, и те, кто ему помогал, тоже не жалели сил. К счастью, труды принесли плоды — из запутанного клубка интриг удалось вытянуть нужную нить и даже точно определить главного врага.

Но ведь прошло целых полтора года.

Ли Жун умел сохранять спокойствие и не привык торопить события; он понимал, что путь к цели ещё долог. Но всё же, сравнивая свою реальность с тем, что показывали в кино, он не мог не чувствовать горечи. В героических блокбастерах протагонист падает на самое дно, как это случилось с самим Ли Жунгом в выпускном классе, но затем триумфальное возмездие наступает так быстро и ярко, что остаётся только завистливо вздыхать.

Он знал, что в его жизни даже самые титанические усилия не гарантируют идеального финала. Враг тоже не сидит сложа руки: он налаживает связи, подкупает нужных людей, уничтожает улики. Настоящая жизнь — не кино, здесь справедливость не торжествует по щелчку пальцев.

Но он обязан был принять эти правила. Принять и продолжать борьбу — до самого конца, до последнего вдоха.

Ли Жун одолел лишь половину порции: аппетит пропал, и остатки риса пришлось убрать в холодильник. Достав баночку йогурта, он принялся медленно потягивать его через трубочку.

За событиями фильма он следил вполглаза, мысли то и дело уносились далеко в сторону. Ли Жун негромко вздохнул и посмотрел на балкон. На площади снова начали запускать фейерверки — яркие бутоны распускались в ночном небе, чтобы через мгновение исчезнуть без следа.

В конце концов, ему было просто невыносимо скучно.

Он листал ленту в телефоне. Судя по времени, все сейчас сидели за праздничным ужином, и беспокоить кого-либо казалось верхом неприличия. Юноша уже собирался отложить мобильный, когда на экране высветился входящий вызов.

Брови Ли Жуна взлетели вверх. Звонил Цэнь Сяо.

Он откашлялся и принял вызов.

— Алло?

— Уже поужинал? — Голос Цэнь Сяо звучал на фоне абсолютной тишины: ни отголосков салютов, ни шума телевизора.

— Да. А ты где? — Он решительно выключил фильм. Его больше не интересовало, как герой выпутается из беды; всё внимание теперь принадлежало голосу в трубке.

— В пустой комнате. Родители ужинают, а я сбежал, — Цэнь Сяо сидел в темноте, глядя на тяжёлые морские волны за окном. Здесь не было праздничной суеты: пляж принадлежал частному владению, и на берегу не было ни палаток с шашлыками, ни случайных прохожих. Атмосфера семейного ужина была под стать погоде — ледяной. Каждый был погружён в свои думы, а одного присутствия Сяо Мужань хватало, чтобы градус за столом упал до нуля.

Ему было плевать. Он терпел с самого обеда. На самом деле Цэнь Сяо уже пытался позвонить Ли Жуну днём, но тот не ответил, и он догадался, что тот, скорее всего, спит.

Странно: во время экзаменационной недели они порой не виделись по два дня, и это не казалось проблемой — они даже переписывались редко. Но теперь, когда их разделяли сотни километров, мысли о Ли Жуне не давали покоя.

Юноша покосился на погасший экран:

— Смотрел кино, довольно любопытное. На ужин заказал баоцзайфань, вполне съедобно. Днём выспался, так что завтра пораньше загляну к Тан Хэ.

Цэнь Сяо сидел в неосвещённой комнате, мерно покачиваясь в кресле и вслушиваясь в родной голос:

— Они тут едят морепродукты. Хотел спросить, чего бы тебе хотелось на ужин, но побоялся, что ты ещё не проснулся.

Ли Жун на мгновение замолк, а затем забрался на диван с ногами и обхватил колени рукой:

— Тогда возвращайся к столу.

На самом деле он вовсе не хотел, чтобы Цэнь Сяо уходил. Ему хотелось, чтобы тот оставался в этой тихой комнате и говорил с ним бесконечно — тогда одиночество в пустой квартире не ощущалось бы так остро. Оказалось, привыкнуть к определённому образу жизни легко, а вот резкая перемена даётся с трудом. Он-то наивно полагал, что три дня разлуки пройдут для него бесследно.

Цэнь Сяо, проигнорировав его совет, вдруг произнёс:

— Сегодня бабушка снова завела речь о том, чтобы познакомить меня с внучкой своей подруги.

Ли Жун невольно улыбнулся. Его было не пронять подобными вещами.

— О? И как она? Рассказывай, я весь во внимании.

Собеседник припомнил детали разговора:

— Не особо вслушивался. Бабушка говорит очень тихо из-за болезни, к тому же мама была рядом. Сам знаешь, как она ненавидит подобные темы, так что она постоянно встревала и перебивала. Мне даже рот не пришлось открывать — они и без меня отлично справлялись.

На самом деле, даже если бы Сяо Мужань не вмешивалась, он не позволил бы словам бабушки повлиять на него. Просто в присутствии матери всё решилось куда быстрее.

— Какая жалость, что ты не дослушал, — притворно вздохнул Ли Жун. — А вдруг вариант был неплохой?

Тот негромко рассмеялся. Он знал, что заставить Ли Жуна ревновать — задача почти невыполнимая. Юноша был слишком силён духом и слишком уверен в себе, чтобы расстраиваться из-за каких-то призрачных невест.

— «Неплохой» мне мало. Мне нужна умная, спокойная, красивая. Такая, которая умеет капризничать, любит южную кухню и не пинается во сне. Которая не пьёт обычный йогурт без добавок и в постели... отбрасывает всякую скромность. Вот на такой я бы женился, — Цэнь Сяо медленно перечислял привычки своего возлюбленного.

Он облизнул губу, подавляя улыбку, и максимально серьёзно ответил:

— Такую днём с огнём не сыщешь.

— Да уж, — согласился Цэнь Сяо, — такое сокровище одно на миллион.

Ли Жун усмехнулся, кончиками пальцев поглаживая колено:

— У вас там что, такая хорошая звукоизоляция, раз ты позволяешь себе такие вольности про «скромность в постели»?

Тот задумался:

— Не проверял. Но если кто и услышит, думаю, предлагать мне чьих-то внучек больше не рискнут.

— Справедливо, — хмыкнул Ли Жун. — Тебе ведь всё равно на приличия.

— А разве про отсутствие скромности в постели — это не про тебя?

— Твои родные-то об этом не знают.

Цэнь Сяо тихо рассмеялся. Ли Жун в своём репертуаре: жил сегодняшним днём, совершенно не заботясь о том, что будет, когда их отношения станут достоянием общественности. Впрочем, когда этот день настанет, поведение в спальне явно будет последним, что их озаботит.

Он помолчал, а затем глубоко вздохнул и хрипло произнёс:

— В городе А сегодня снова шёл снег? Видел в новостях.

— Угу, — подтвердил Ли Жун. Снег, правда, шёл только утром и к вечеру уже начал таять, но всё же это был снег.

— Я так скучаю по тебе, — внезапно вырвалось у Цэнь Сяо.

Сердце Ли Жуна пропустило удар, а затем наполнилось нежностью. После всей этой пустой болтовни они наконец заговорили о главном. Он, прижимая телефон к уху, ушёл в спальню. Там казалось тише, к тому же постель всё ещё хранила едва уловимый аромат Цэнь Сяо.

— Насколько сильно? — прошептал он, откидывая одеяло.

Голос собеседника стал ещё тише, почти переходя в шёпот:

— Больше всего на свете я хочу, чтобы ты сейчас был рядом. Здесь комната совсем небольшая, но очень уютная. За окном море — если открыть створку, врывается влажный морской бриз. Воздух здесь такой густой, пропитанный солью, и совсем не холодный.

В воображении Ли Жуна возник образ виллы на побережье. Он когда-то ездил с родителями в подобные места: этот специфический запах моря, мерный ритм волн, разбивающихся о песок... Даже просто слушая описание, он чувствовал, как расслабляется.

В ночной темноте береговую линию не разглядеть: кажется, что и вода, и небо — одного цвета, цвета бездонной сажки. Это безмолвие дарит иллюзию тайны — любой звук тонет в гуле прибой, смывается и уносится в бездну. И только любовь остаётся висеть в воздухе, не желая исчезать.

— На пляже сейчас кто-нибудь есть? — спросил Ли Жун.

Цэнь Сяо стоял у окна, всматриваясь в пустынный берег:

— Ни души. Только два жёлтых фонаря вдалеке. Хочу затащить тебя на этот песок, прижать к себе... Уверен, нас бы никто не заметил.

У Ли Жуна пересохло во рту. Он лежал под одеялом, но казалось, будто он и впрямь чувствует под собой прохладный, мелкий песок. Воздух вокруг был тёплым, волны шумели совсем рядом, и ни одного лишнего глаза во всей округе.

— И просто «прижать» тебе было бы достаточно?

— Конечно нет, — выдохнул Цэнь Сяо. — Хочу целовать тебя. Целовать так, чтобы ты начал

задышаться и пытаться меня оттолкнуть. Но я бы не отпустил. Я бы сорвал с тебя одежду, промокшую от солёных брызг, и отбросил в сторону.

Веки юноши дрогнули. Пальцы крепко сжали край одеяла. На нём была пижама, но застёгнутая лишь на одну пуговицу. Повинуясь порыву, он скользнул рукой под одеяло и расстегнул её, мгновенно ощутив кожей мягкую текстуру хлопка.

— И что потом? — едва слышно выдохнул он.

Цэнь Сяо распахнул окно настежь, позволяя морскому ветру ворваться в спальню. Влажный воздух мгновенно заполнил всё пространство, но он всё равно чувствовал невыносимый жар, сжигающий его изнутри.

— А ты как думаешь? Я не из тех, кто привык сдерживаться. В таком месте, при такой луне... я бы не упустил своего. А когда бы всё закончилось, я бы, наверное, втирал этот мелкий песок в твою кожу, чтобы ты не мог от него избавиться. Чтобы на твоём теле не осталось места без моих следов.

Ли Жун слышал в трубке шум прибоя. Впервые свист ветра казался ему настолько интимным — в каждой его секунде сквозила нежность и скрытая страсть.

Юноша глубоко вздохнул и прошептал:

— Цэнь Сяо...

Он не знал, что ещё сказать. Оставалось только повторять его имя — точно так же, как в моменты их близости, когда мысли путались, а в голове становилось пусто и звонко.

Голос Цэнь Сяо, смешиваясь с гулом ветра, звучал как неодолимый приказ:

— Я куплю тебе билет. Приезжай ко мне на море.

<http://bllate.org/book/15351/1503919>